

Форма изложения войсковых отписок, как можно было уже убедиться из приведенных отрывков, помимо своего общего довольно свободного тона повествования от первого лица, помимо обязательных постоянных формул религиозно-благочестивого и верноподданического характера (стояние за „веру христьянскую“, за „дом богородицы“, служба „верою и правдою“, победа „государским счастием“ и т. д.), включала в свой оборот и элементы образной фразеологии, которые также отливались в постоянные словосочетания, например: а) „под меч подклонити“. б) Казаки служат государю „ни с вотчины ни с поместий“. Эта специфическая казачья формула обычно употребляется в более полном виде: „не с вотчин, ни с поместий, с воды, да с травы“.¹ Отметим близкую формулу у запорожских казаков: „служим за траву и воду“. Ср. эту формулу и у сибирских казаков: часть казаков Е. Хабарова взбунтовалась (1652 г.), насмешливо заявляя, что они впредь не согласны служить государю „своими головами с травы и с воды“.² Заметим, что эта распространенная формула казачьих документов, отражающая, вероятно, поговорку казаков, выражает определенную политическую концепцию данной социальной среды. Казаки напоминают этой формулой „власть имущим“, с одной стороны, о трудности и необеспеченности их службы на „украинах“ государства, которую они несут за право владения там реками и полями, а с другой — они намекают на свое отличие в этом отношении от „бояр и дворян государевых“, которые как раз и получают от царя за свою службу „вотчины и поместья“. в) В отписке, как и в Исторической повести, употреблена традиционная риторическая характеристика „бусурман“ как „агарянского изчадия“, „злохищренных волков“. Сравнения эти бытовали у казачьих канцеляристов, о чем свидетельствует наличие их и в других войсковых отписках: „Они (крымцы и турки. — А. Р.) перед собою о воинском деле вестников никаких не посылают, ходят на православное крестьянство, аки злохищренные волки под беззобивых агнец“,³ или — „а мы, государь, холопи твои, над ними турскими и крымскими людьми. . . над агарянским изчадием, прося у бога милости, ради. . . промышляти“.⁴ Те же образцы наблюдаются в Особой повести: „и нападоша на Войско, аки лютии и немилостивии волци на беззобивых агнец“;⁵ „бусурманы“ и в этой повести характеризуются, как „агаренское исчадие“,⁶ или — „А он (хан. — А. Р.) безбожный агарянин, похитив аки лютый волк беззобивых агнец, и пришед под Азов с своею силою великою“.⁷

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 155; ср. еще там же, кн. 3, 714; кн. 4, 37, 349, 697, 731, 733, 832; кн. 5, 571 и др.

² С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре. Л., 1925, стр. 48.

³ Донские Дела, кн. 2, стлб. 123.

⁴ Там же.

⁵ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 28, 33—34.

⁶ Там же, стр. 35.

⁷ Там же, стр. 31.